

ПОНЯТИЕ ЗАКОНА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ И КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ: ФИЛОСОФИЯ, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

П.А. Ореховский¹, В.И. Разумов², А.А. Сапунков²

¹ *Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия*

² *Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

02 мая 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2024 г.

Ключевые слова

Детерминизм, стохастика,
устойчивость, императив,
«эконометриковерие»,
нарратив, неправовой закон,
кризис государства, миф,
социальное конструирование

На фоне продолжающейся фрагментации науки, смены образов науки и ученых в сознании человека и общества вновь становятся актуальными дискуссии вокруг категорий, обладающих большим потенциалом интеграции разнообразных знаний. К таковым относятся понятия науки и закона. В работе рассматривается кризис прежнего понимания закона как устойчивой причинно-следственной связи в социальных и гуманитарных науках. Продуктивным является смещение акцента обсуждения с законов соответствующих дисциплин к правилам коммуникации ученых в этих дисциплинах. Именно гуманитарии и обществоведы оказывают решающее влияние на процесс легитимации новых законов, вне зависимости от личных мотивов собственной деятельности.

Разделы 3, 4 подготовлены П.А. Ореховским, разделы 1, 2 – В.И. Разумовым, раздел 5 – В.И. Разумовым и А.А. Сапунковым совместно. Во всем остальном авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

THE CONCEPT OF LAW IN THE SOCIAL SCIENCES AND THE CONSTRUCTION OF REALITY: PHILOSOPHY, ECONOMICS, LAW

Pyotr A. Orekhovsky¹, Vladimir I. Razumov², Andrey A. Sapunkov²

¹ *Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

² *Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia*

Article info

Received –

2024 May 02

Accepted –

2024 June 20

Available online –

2024 September 20

Keywords

Determinism, stochastics, stability,
imperative, "econometrictrust",
narrative, non-legal law, crisis of
the state, myth, social
construction

Introduction. Against the background of the ongoing fragmentation of science, the changing images of science and scientists in the minds of man and society, discussions around categories with great potential for integrating diverse knowledge are becoming relevant again. These include the concepts of "science" and "law".

Purpose. The purpose of this article is to consider the crisis of the previous understanding of the law as a stable causal relationship in the social sciences and humanities.

Methodology. The following methods were used: discourse analysis, realistic and nominalistic approaches in philosophy, dialectics, determinism and stochastics in economics, interdisciplinary research, systemic legal and comparative legal approaches, system analysis.

Results. Results. The paper presents examples of the gradual disappearance of "laws" from philosophical and economic discourses, despite the previous orientation of social and humanitarian sciences to natural science and exact sciences as "reference". However, the complexity and variability of economic phenomena leads to the destruction of the previous clear functional dependencies. In turn, the ontology of modern economics is beginning to include an increasing use of various narratives. The opposite direction, which contains an attempt to preserve the previous understanding of the "law", is "econometricianism". The main area of use of the "law" remains the legal sciences, but here too the paradox of the "non-legal law" appears. Law, as a historical phenomenon, is directly related to ethical imperatives and the problem of legitimation. Social changes lead to the fact that the scope of "illegal laws" is expanding and threatens the existence of the institution of the state.

Conclusion. In conclusion, the kinship of the previous concepts of the "myth" is noted. The topic of law is discussed together with the concept of myth with a social construct, and social reform with myth—making. Humanitarians working in their fields do not discover,

but create laws, influencing the forms of society: legal regimes, methods of economic exchange, forms of social communication. Thus, it is productive to shift the focus of the discussion from the laws of the relevant disciplines to the rules of communication of scientists in these disciplines. It is the humanities and social scientists who have a decisive influence on the process of legitimizing new laws, regardless of the personal motives of their own activities.

Authors' contributions. Sections 3, 4 prepared by P.A. Orekhovsky; sections 1, 2 prepared by V.I. Razumov, section 5 prepared by V.I. Razumov and A.A. Sapunkov jointly. In all other respects, authors made equivalent contributions to the publication.

1. Введение: контуры проблемы

Наука – занятие, в рамках которого ученые пытаются найти основания причинно-следственных связей, управляющих природой, человеком, обществом. Эти основы и принято было называть законами. Как пример можно привести десять заповедей, переданных Моисею на горе Синай. Среди прочего нарушение закона вызывало для поставивших себя вне его субъектов негативные последствия. С древности и до XVII в. законы науки понимались как механизмы, которые управляются божествами, а их знание помогало человеку адаптироваться к среде обитания и быть более эффективным. На этом отрезке истории знанием законов обладали священнослужители разных конфессий.

Вера в существование законов как императивов поведения человека, а также процессов, протекающих в природе, в обществе, сверхъестественного происхождения, долгое время сопровождала прогресс (собственно, и сам «прогресс» долгое время тоже считался законом, определяющим историю человечества). Появление новых образцов техники, избавление от преследовавших людей болезней – всё это наглядно демонстрировало людям полезность деятельности ученых. Наука получает мощное мировоззренческое обоснование в пантеизме, придающем природе статус субстанции как самопричинной сущности. Это открывает горизонты для естествознания с его предметом – Природой. Формируется новое понимание законов как емких и обобщенных описаний механизмов, лежащих в основе распространенных физических процессов. С поиском законов природы идентификация образа ученого осуществляется уже с XVIII в.

С другой стороны, поиск законов, управляющих обществом, всегда настораживал людей, которые находились у власти. Претензии самозванцев, которые предъявляли публике «законы», которые нельзя нарушать начальству без негативных для всех последствий, были опасны для исследователей, специализировавшихся в социальных науках. Причем

сами ученые много спорили о содержании таких законов и даже о том, можно ли их называть «законами», объявляя своих оппонентов в лучшем случае интеллектуально неполноценными, в худшем – врагами государства. Особо среди социальных мыслителей следует выделить последователей К. Маркса – и как радикалов-теоретиков, уверенных в существовании законов общества, и как практиков – социальных инженеров, строивших социализм на основании созданной ими теории. Распад СССР во многом уничтожил это «твердое ядро» исследовательской программы социальных оптимистов.

В свою очередь, на Западе кризис социальных наук начался еще раньше, в конце 1960-х гг., с переходом к постмодерну, который мы интерпретируем как «нарциссическую культуру» [1]. Всё большее число исследователей стало отказываться от поисков «законов», а те, кто всё же продолжают искать основания причинно-следственных связей, всё реже обозначают их этим словом. Аналитическая философия и постмодернистские установки в целом лишают понятие закона онтологического статуса.

2. Философия как часть гуманитарного знания

По-видимому, одними из первых, кто стал «нарушать законы», избегая при этом негативных последствий, были исследователи сферы художественного – искусствоведы, филологи, архитекторы... Следствием этого явилось появление гуманитарных наук (помимо точных, естественных, общественных – последние в западной классификации получили определение «социальных»). В этой сфере пока доминирует феноменология. Характеристика объектов как «умопостигаемых», ноуменов, в этой сфере еще не совсем исчезла, но занимает всё меньшее место.

Недолго колебались и историки. Одна из самых старых научных дисциплин теперь почти не пользуется понятием «закона». Среди историков периодически вспыхивают споры – считать ли историю наукой? (Отметим, правда, что никто из спорщиков не отказывается от ранее полученных ученых степеней и званий.)

Наконец, процесс постепенно стал захватывать и другие «поля», такие как экономика, политология и социология, право. Проблема, которая возникает в связи с этим, – можно ли считать дисциплины, которые не используют категорию «закона» в построении своих теоретических конструкций, «науками»? И если мы продолжаем, несмотря на отказ от поисков «законов», считать деятельность в этой сфере «научной», то какие критерии должны к ней предъявляться? Что здесь можно считать «научным достижением», кроме индексов цитирования и престижных премий, присуждаемых определенной персоне другими симпатизирующими ей индивидами? Находится ли в этих обсуждениях место философам? И если да, то в какой роли они выступают: как равноправные участники обсуждений, эксперты или сторонние резонеры, мнение которых мало чем отличается от мнения «публики»?

Является ли философия наукой? Длительность существования философии объяснима тем, что она удовлетворяет фундаментальные потребности человека: (1) в абстрактном, проявляясь в стремлении мыслить обобщениями, интересоваться сущностями высокой степени общности; (2) в трансцендентном, через установление человеком границ бытия и стремлений выйти за эти границы; (3) в экзистенциальном, посредством поиска человеком своего предназначения, смысла существования. Три перечисленные потребности, удовлетворяемые философией, предполагают, что философствование можно развернуть относительно любого предмета при условии, если данный предмет станет осмысленным в следующих аспектах: в отнесении к космосу; в проекции на вечность; в особенностях связи с абсолютном.

Самым убедительным в отказе относить философию к множеству наук выступает кардинальное различие научных и философских проблем. Так, научные проблемы нацелены на то, чтобы в перспективе найти им решение. Ценность философских проблем – в их принципиальной неразрешимости при сохраняющейся важности для обсуждения [2]. «Ненаучность» философских проблем, по-видимому, сказывается на отсутствии «законов», как бы не формулировали отдельные «философские правила» те или иные направления¹. Но этот «недостаток» перевешивает участие философии в интеграции наук и культуры в целом [3].

¹ Так, в рамках диалектики принято считать законами известные способы построения риторики: перехода количества в качество, единства и борьбы противоположностей,

Согласно Н. Талебу, к закону можно применить свойство Антихрупкости, поскольку закон существует значительное время в сравнении с множеством когда-то изобретенных, но давно забытых понятий [4]. Согласно Талебу, только антихрупкие предметы и следует изучать. Другими словами, «хрупким предметам» отказывается в соответствующем онтологическом статусе: они как бы есть, но их уже «почти нет».

Иное отношение, и его уместно применить к закону, выражает М. Эпштейн. Он отмечает, что надевание предметов статусами особо важных не превращает их автоматически в области исследовательских интересов [5]. Легко заметить, что здесь сохраняется традиционное уважительное отношение к реальности как включающей в себя все наблюдаемые феномены.

Еще один дискурс обсуждения законов связан с введением концепта сложности. Неявно предполагается, что раньше причинно-следственные связи были проще, соответственно, это переносится и на основания таких связей. К примеру, парадокс Эйнштейна – Подольского – Розена сам по себе сложен для понимания, и еще более сложным оказывается объяснение физических процессов, которые его поддерживают. Этот же способ обсуждения связывает сложность с прогрессом. Так, падение внимания к закону со стороны представителей фундаментальных наук обусловлено кардинальным усложнением реальности и ее объектов [1]. Это наблюдается с переходом от классической к неклассической и постнеклассической науке. В самом общем виде закон выражает конкретизацию детерминизма: как одна или несколько причин, при наличии подходящих условий, вызывают одно или несколько следствий. Каузальность классической науки нацеливает исследователя на переход от феномена – «явления причинно-следственных связей», к сущности, к закону. Постнеклассическая наука вместе с постмодерном такой переход вообще не рассматривают. Проблема игнорирования концепта закона, причем как в реалистической, так и в номиналистической традициях, заключается в том, что, за исключением стохастики, классическая наука описывала обратимые процессы. А в эволюции общества, природы, человека, большую, а иногда определяющую роль играет стохастичность.

отрицания отрицания. В других направлениях законами можно считать «бриту Оккама», деконструкцию, чистую экзистенцию и т. д.

В науке второй половины XX – начала XXI в. меняется научный дискурс, сам концепт «закон» используется всё реже. Кризис в понимании законов связан и с их избыточной антропоцентричностью, и это происходит в условиях, когда в предметную область науки попадает всё больше явлений, не отвечающих критериям человекосоразмерности.

Тем самым указанная проблема применения критериев научности к исследователям, отрицающим существование законов в сфере изучения разных объектов, снимается: они просто занимаются теперь «неклассической и постнеклассической наукой». Как вариант ослабления жесткости формулировок закона сюда можно добавить и различие между детерминизмом и стохастикой. В таком случае в любом наблюдаемом феномене можно выделить две группы факторов, влияющих на рефлексию, – дескриптивные и прескриптивные. Дескрипции выстраиваются относительно норм, этики и в них преобладает детерминизм; прескрипции лежат в области действий, решений, а в силу их субъективности здесь доминирует стохастика [6]. В такой онтологии роль «антихрупких» феноменов выполняют дескрипции, а «хрупких» – прескрипции. И это могло бы даже вернуть представителей гуманитарных наук в лоно общественных, если бы не многозначность и внутренняя противоречивость этики. Различия между справедливым и несправедливым, благородным и низким философы интерпретируют очень по-разному, но в каждом конкретном случае ориентируясь на определенную онтологию, не говоря уже об интерпретациях таких понятий, как «свобода» и «рабство».

3. Экономика: нарративы и «эконометриковедение»

Экономика является дисциплиной, в которой исследователи долгое время пытались прибли-

зиться к идеалу естественных наук, причем, как ни странно, это влияние, видимо, было взаимным. Так, именно теория Т. Мальтуса повлияла на формирование взглядов на естественный отбор у Ч. Дарвина [7]. В свою очередь, на представления об Общем равновесии Л. Вальраса, по мнению Ф. Майровски, сильно повлияла формировавшаяся в то время теория термодинамики [8]. Математическая формализация экономических выражений, которая была предпринята аспирантом В. Леонтьева П. Самуэльсоном, вошла в ставший популярным учебник [9]. После этого, во второй половине XX в., едва ли не в большинстве научных статей, так или иначе затрагивавших количественные взаимосвязи в экономической системе, использовались многочисленные математические выражения самого разного вида.

Несмотря на (или, если угодно, благодаря) свою(ей) приверженность(и) диалектическому методу, были уверены в существовании экономических законов и многие советские политэкономы. Время от времени возобновлялись те или иные дискуссии, в основном они шли вокруг противоречивого взаимодействия законов «планового развития» и «стоимости»². Однако, например, в отношении законов распределения по труду и/или денежного обращения не возникало особых разногласий.

Крах советского социализма и распад СССР привели к тому, что представления об «экономических законах социализма» неявно стали признаваться неверными. Естественно, никаких публичных признаний политэкономов, да и других обществоведов на эту тему не последовало (собственно, нам неизвестны даже сколько-нибудь представительные дискуссии 1990-х гг. философов, экономистов, социологов («научных коммунистов»), историков, ранее

² Дискуссии начались еще в начале 1950-х гг. Приведем характерное высказывание И.В. Сталина: «Некоторые товарищи отрицают объективный характер законов науки, особенно законов политической экономии при социализме. Они отрицают, что законы политической экономии отражают закономерности процессов, совершающихся независимо от воли людей. Они считают, что ввиду особой роли, предоставленной историей Советскому государству, Советское государство, его руководители могут отменить существующие законы политической экономии, могут “сформировать” новые законы, “создать” новые законы. Эти товарищи глубоко ошибаются. Они, как видно, смешивают законы науки, отражающие объективные процессы в природе или обществе, происходящие независимо от воли людей, с теми законами, которые издаются прави-

тельствами, создаются по воле людей и имеют лишь юридическую силу. Но их смешивать никак нельзя. Марксизм понимает законы науки, – всё равно идет ли речь о законах естествознания или о законах политической экономии, – как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их, изучить их, учитывать их в своих действиях, использовать их в интересах общества, но они не могут изменить или отменить их. Тем более они не могут сформировать или создать новые законы науки» (Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. С. 3–4). Несмотря на это мнение, политэкономы возвращались к темам экономических законов вновь и вновь (см.: [10–13] и пр.).

составлявших «блок идеологического воспитания» в советской высшей школе, на эту тему). Экономисты просто перестали использовать прежний марксистский дискурс, хотя это далось им не просто. А. Кламер указывает: «...меня интересовало, каково всем тем, кто всю жизнь преподавал марксистскую политическую экономию и проводил исследования, используя в качестве главного источника “Капитал”, ведь им пришлось столь внезапно и столь безвозвратно овладеть другим экономическим языком. Как я узнал от коллег, преподававших в те времена в странах Восточного блока, им пришлось выкинуть все свои конспекты лекций и в сжатые сроки освоить неоклассическую экономическую теорию, которой суждено было стать их новой парадигмой. Не могу себе представить, что чувствовал бы я, если бы был вынужден совершить такую трансформацию. А как же моя честность? Как можно отречься от теории, которую я провозглашал истинной? Можно ли мне доверять после этого? Даже если бы я смог преодолеть эти моральные мучения, как мне освоить совершенно новый для меня подход с новыми концепциями, новыми методами и новыми моделями? Как это повлияло бы на мое чувство правды, мое чувство значимости и мое чувство самоуважения?» [14, с. XXIII].

Марксизм-то действительно был отвергнут, но вера в «объективный характер» экономических законов, конечно, сохранялась. Энтузиазм в отношении неоклассики привел к тому, что концепт закона теперь широко использовался в преподавании теорий спроса, фирмы, экономического роста, финансовых рынков и т. д. Проблема, однако, заключалась в том, что к 1990-м гг. основное течение экономической теории (мейнстрим) стало редко использовать концепт «закона», так как прежде, казалось бы, однозначные причинно-следственные связи всё реже стали наблюдаться на практике. Так, пресловутый «закон спроса» предполагает простую функциональную закономерность между ценой и объемом спроса: цена снижается – объем увеличивается, и наоборот. Экономистам хорошо известны были возражения Т. Веблена, который указывал на эффекты демонстративного расточительства и праздности, которые приводили к «нарушениям» закона спроса – цена могла расти, но спрос мог оставаться прежним или даже увеличиваться [15]. Такого рода эффекты было принято рассматривать как *исключения*, которые относятся к «товарам и услугам роскоши». Однако по мере роста дохода всё большее количество товаров, которые, как раньше считали, удовлетворяют только «первичные потребности», включая про-

дукты питания – хлеб, молоко, овощи, мясо, – стали подчиняться «вебленовским эффектам». Если раньше черный хлеб стоил дешевле белого в силу меньшей своей калорийности, то теперь именно в связи с этим свойством он стоит либо столько же, либо дороже – маркетологи и рекламщики об этом позаботились. Функциональная зависимость между спросом и ценой разрушена, о чем писал еще Ж. Бодрийяр в одной из своих ранних работ [16], она сохраняет свое значение только в отношении сравнительно небольшого круга товаров (прежде всего, комплектующих и производственных полуфабрикатов).

Естественно, что об этих особенностях действия «закона спроса» ни в западных, ни в российских учебниках обычно не говорится, хотя, конечно, специальные оговорки в отношении «исключений» и «вебленовских эффектов», естественно, присутствуют. Таковы общие особенности «дисциплинарного знания», позволяющие выделять «законы» и «исключения из них». Однако общая логика разрушения знания об основаниях прежних причинно-следственных зависимостей привела к подъему критики мейнстрима. Последняя быстро стала хорошим тоном для многих авторов, и вскоре уже эта критика сама стала частью мейнстрима, который теперь включает не только неоклассику и кейнсианство, но и большинство различных направлений институционализма. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть принятую на Западе классификацию экономической литературы (последняя имеет аббревиатуру *JEL*, от *Journal of Economic Literature* – журнала, посвященного обзорам монографий, диссертаций, других изданий по экономике). Среди прочего эта классификация включает в себя и марксизм (B24), и австрийскую школу (B25) – направления, которые принято относить к гетеродоксальным.

4. Нарративная экономика и правдоподобность

Такая всеядность не прошла даром. Известный экономист Д. Родрик пишет: «Экономические модели похожи на басни... Эта аналогия не ускользнула от внимания лучших представителей экономической науки. В моменты раздумий о своем деле они готовы признать, что создаваемые ими абстрактные модели подобны басням. Как отмечает известный экономист-теоретик Ариэль Рубинштейн, “слово ‘модель’ звучит более научно, чем ‘басня’ или ‘сказка’, однако я не вижу особой разницы между ними”. Как писали философ Аллан Гиббард и экономист Хал Варриан, “[экономическая] модель всегда рассказывает какую-то историю”. Философ науки Нэнси Картрайт

использует термин “басня” применительно к экономическим и физическим моделям, хотя и считает, что экономические модели больше похожи на притчи. По словам Картрайт, в отличие от басен, где мораль очевидна, в экономических моделях необходимо порядком потрудиться, чтобы объяснить результаты и прийти к выводам относительно государственной политики. Такая сложность обусловлена тем, что каждая модель верна лишь в определенном контексте и выводы из нее применимы лишь в определенных обстоятельствах» [17, с. 32–34].

В результате часть экономистов, и среди них – лауреат Нобелевской премии Р. Шиллер, стали говорить о «нарративной экономике» [18–21]. Концепт закона в рассказе о безработице, инфляции и/или финансовых пузырях оказался лишним: всё зависит от контекста, и, соответственно, делается акцент именно на обстоятельствах, в которых действуют экономические акторы. Это лишает получаемые экономистами результаты претензии на универсальность, но делает их намного более *правдоподобными*.

В свою очередь, оценка *правдоподобия* достигается с помощью эконометрики. Р.И. Капелюшников, критикуя коллег за игнорирование, как он полагает, теоретических оснований, подобных «закону спроса», в которые продолжает верить он сам, вводит иронический неологизм «эконометриковерие» [22]. Легко заметить, однако, что и этот достойный экономист в большинстве своих логических умозаключений, посвященных российскому рынку труда, полагается как раз на эконометрику [23].

Описывать подобные примеры можно очень долго; как известно философам, индукция ничего не доказывает, но риторика убеждает. Общий же тренд очевиден – экономисты, претендовавшие на присвоение своей науке статуса если не «точной», то естественной, в XXI в. стали похожи на нормальных гуманитариев, отличающихся повышенным уровнем апломба. Они создают для публики свои «миры», причем иногда это миры сравнительно небольшие, связанные с формированием отдельных городских гетто, а иногда претендующие на осмысление типов всех существующих ныне государственных устройств [24; 25]. Их отличием от обычных литераторов является использование достаточно изощренного математического аппарата. По мнению уже цитировавшегося нами Н. Талеба, это зачастую позволяет им просто маскировать свою некомпетентность. Желющие могут верить в цифровую экономику, четвертую промышленную революцию, прогрессивность социальных порядков открытого общества, комму-

низм, посткапитализм или что-то еще. Но экономисты, которые конструируют соответствующие онтологии, апеллируя при этом к тем или иным трендам, более не используют концепт «законов, независимых от воли и сознания людей» [4].

Заметим, что к «объективным законам в экономике» часто апеллируют «системщики», уподобляя их механизмам управления в различных системах, которые включают в себя и отдельных людей. Прелесть такого «системного мировоззрения» заключается в том, что сам исследователь, естественно, помещает себя вне таких систем, что позволяет ему сохранять свою личную свободу воли и заниматься социальным конструированием, в то время как обычные индивиды становятся послушными марионетками, объектами манипуляции. Однако стоит признать нормальным, что ученые в сфере социальных наук, как и их гуманитарные коллеги, апеллируют к чувству бессознательного публики, используя свою символическую власть и прибегая к авторитетному дискурсу. Нарративы и эконометрика как раз для этого и предназначены.

С другой стороны, часть публики по-прежнему предпочитает архаику, рассуждая о производительных силах, производственных отношениях и неминуемом торжестве рабочего класса. Что ж, почему бы и нет – труды современных неомарксистов удовлетворяют запрос и на такие истории.

5. Заключение. Социальная реальность и новая роль законов

Как мы полагаем, современное понимание «нарратива» вполне адекватно приведенной выше интерпретации «мифа», а «социальное реформирование», включающее в себя необходимые изменения общественного сознания, во многом равносильно мифотворчеству. В таком случае законы в социальных науках выполняют важнейшую роль легитимации новых правовых режимов, способов обмена, выстраивания необходимых коммуникаций. Если законы как утверждения должного состояния дел можно соотнести с научно-теоретическим уровнем понимания состояния и изменений в обществе, то законность в таком случае есть конкретно-историческая практика социальных субъектов, стремящихся соответствовать / противодействовать законам.

Исходя из этой позиции, новое понимание социальных (и гуманитарных) законов по сравнению с прежней «индустриальной» эпохой заключается в том, что эти законы не столько «открываются», сколько «создаются». Вне зависимости от мотивов ученых, которые специализируются на исследова-

ниях в социальных и гуманитарных дисциплинах, их работы оказывают существенное влияние на формы нынешней «реальности». Если это признать, то следовало бы обсудить не столько «законы» философии, экономики и права, о которых время от вре-

мени возникают большие дискуссии, сколько правила коммуникации в сообществах гуманитариев. Иначе «новый дивный мир», который возникает, среди прочего, благодаря нашим общим интеллектуальным усилиям, может оказаться весьма дегуманизированным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ореховский П. А. Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики / П. А. Ореховский, В. И. Разумов // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3. – Ч. 1. – С. 84–102. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102.
2. Розов Н. С. Причины долговременной значимости философских проблем (Что делает философскую проблему великой?) / Н. С. Розов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия и право. – 2003. – Т. 1, № 1. – С. 5–21.
3. Разумов В. И. Проблемы философии: прошлое, настоящее, будущее / В. И. Разумов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 40. – С. 89–97. – DOI: 10.17223/1998863X/40/9.
4. Талеб Н. Н. Антихрупкость: как извлечь выгоду из хаоса / Н. Н. Талеб ; пер. с англ. Н. Караев. – М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2015. – 762 с.
5. Эпштейн М. Предлог «В» как философема. Частотный словарь и основной вопрос философии / М. Эпштейн // Вопросы философии. – 2003. – № 6. – С. 86–95.
6. Разумов В. И. Законы: историческая трансформация, современное понимание, классификация / В. И. Разумов // Сибирский философский журнал. – 2022. – Т. 20, № 4. – С. 56–66. – DOI: 10.25205/2541-7517-2022-20-4-56-66.
7. Ruse M. The Darwinian revolution: science red in tooth and claw / M. Ruse. – University of Chicago Press, 1979. – 346 p.
8. Майровски Ф. Физика и «маржиналистская революция» / Ф. Майровски // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10, № 1. – С. 100–116.
9. Самуэльсон П. А. Экономика: вводный курс / П. А. Самуэльсон ; общ. ред. А. С. Кудрявцева. – М. : Прогресс, 1964. – 843 с.
10. Бреев М. В. Закон планомерного, пропорционального развития и планирования народного хозяйства / М. В. Бреев. – М. : Госпланиздат, 1961. – 84 с.
11. Закон стоимости и его роль при социализме : сб. материалов / вступ. ст. и ред. проф. Н. А. Цаголова. – М. : Госпланиздат, 1959. – 336 с.
12. Кронрод Я. А. Законы политической экономии социализма : очерки методологии и теории / Я. А. Кронрод. – М. : Мысль, 1966. – 581 с.
13. Черковец В. Н. Основной экономический закон и высшая цель общественного производства при социализме / В. Н. Черковец. – М. : О-во Знание РСФСР, 1974. – 46 с.
14. Кламер А. Странная наука экономика: приглашение к разговору / А. Кламер ; пер. с англ. И. Дягилевой. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара ; СПб. : Фак. свобод. искусств и наук СПбГУ, 2015. – XXVI, 311 с.
15. Веблен Т. Б. Теория праздного класса / Т. Б. Веблен ; пер. с англ. С. Г. Сорокиной. – М. : Прогресс, 1984. – 367 с.
16. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. Д. Кралечкин. – М. : Академический проект, 2007. – 335 с.
17. Родрик Д. Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки» / Д. Родрик ; пер. с англ. Е. Головляницыной. – М. : Изд. Ин-та Гайдара, 2016. – 249 с.
18. Вольчик В. В. К вопросу о теории и методологии нарративной экономики / В. В. Вольчик // Вопросы теоретической экономики. – 2022. – № 3 (16). – С. 31–46. – DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_31_46.

19. Вольчик В. В. Возможности нарративной экономики в исследованиях российской инновационной системы / В. В. Вольчик, Е. В. Маслюкова // *Terra Economicus*. – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 36–50. – DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-4-36-50.
20. Shiller R. J. Narrative Economics and Neuroeconomics / R. J. Shiller // *Finance: Theory and Practice*. – 2018. – Vol. 22, no. 1 (103). – P. 64–91. – DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-1-64-91.
21. Shiller R. J. Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events / R. J. Shiller. – Princeton : Princeton University Press, 2019. – 400 p.
22. Капелюшников Р. И. О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения / Р. И. Капелюшников // *Вопросы экономики*. – 2018. – № 5. – С. 110–128. – DOI: 10.32609/0042-8736-2018-5-110-128.
23. Капелюшников Р. И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов / Р. И. Капелюшников // *Вопросы экономики*. – 2023. – № 8. – С. 5–37. – DOI: 10.32609/0042-8736-2023-8-5-37.
24. Аджемоглу Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты / Д. Аджемоглу, Д. А. Робинсон ; пер. с англ. Д. Литвинов, П. Миронов, С. Санович. – М. : АСТ, 2015. – 692 с.
25. Сагден Р. Правдоподобные миры: статус теоретических моделей в экономической науке / Р. Сагден ; пер. с англ. Ю. Каптуревского // *Философия экономики : антология* / под ред. Д. Хаусмана. – М. : Изд. Ин-та Гайдара, 2012. – С. 475–518.

REFERENCES

1. Orekhovsky P.A., Razumov V.I. The onset of narcissistic culture: consequences for education, science and politics. *Idey i idealy = Ideas and ideals*, 2021, vol. 13, no. 3, pt. 1, pp. 84–102. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102. (In Russ.).
2. Rozov N.S. The reasons for the long-term significance of philosophical problems (What makes a philosophical problem great?). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya i pravo = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy and Law*, 2003, vol. 1, no. 1, pp. 5–21. (In Russ.).
3. Razumov V.I. Problems of philosophy: past, present, future. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 2017, no. 40, pp. 89–97. DOI: 10.17223/1998863X/40/9. (In Russ.).
4. Taleb N.N. *Antifragile: Things That Gain from Disorder*. Random House, 2012. 519 p.
5. Epstein M. The preposition “In” as a philosophism. *Voprosy filosofii*, 2003, no. 6, pp. 86–95. (In Russ.).
6. Razumov V.I. Laws: historical transformation, modern understanding, classification. *Sibirskii filosofskii zhurnal = Siberian Philosophical Journal*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 56–66. DOI: 10.25205/2541-7517-2022-20-4-56-66. (In Russ.).
7. Ruse M. *The Darwinian revolution: science red in tooth and claw*. Chicago, University of Chicago Press, 1979. 346 p.
8. Mairowski F. Physics and the “Marginalist revolution”. *Terra Economicus*, 2012, vol. 10, no. 1, pp. 100–116. (In Russ.).
9. Samuelson P.A. *Economics: An Introductory Analysis*, 5th ed. New York, Toronto, London, McGraw-Hill Book Company, 1961. 853 p.
10. Breev M.V. *The law of planned, proportional development and planning of the national economy*. Moscow, State Publishing House of Economic, Planning and Accounting and Statistical Literature, 1961. 84 p. (In Russ.).
11. Tsagolov N.A. (ed.). *The law of value and its role in socialism*, Collection of materials. Moscow, State Publishing House of Economic, Planning and Accounting and Statistical Literature, 1959. 336 p. (In Russ.).
12. Kronrod Ya.A. *The laws of the political economy of socialism*, Essays on methodology and theory. Moscow, Mysl’ Publ., 1966. 581 p. (In Russ.).
13. Cherkovets V.N. *The basic economic law and the highest goal of social production under socialism*. Moscow, Znanie Publ., 1974. 46 p. (In Russ.).
14. Klammer A. *Speaking of Economics. How to get in the conversation*. London, New York, Routledge publ., 2007. xxii + 199 p.

15. Veblen T.B. *Theory of the leisure class*, trans. from the English by S.G. Sorokina. Moscow, Progress publ., 1984. 367 p. (In Russ.).
16. Baudrillard J. *On the criticism of the political economy of the sign*, trans. from French by D. Kralechkin. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2007. 335 p. (In Russ.).
17. Rodrik D. *Economics Rules*, translated from English by E. Golovlyanitsyna. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2016. 249 p. (In Russ.).
18. Volchik V. To the issue of the theory and methodology of narrative economics. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki = Issues of Economic Theory*, 2022, no. 3 (16), pp. 31–46. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_31_46. (In Russ.).
19. Volchik V.V., Maslyukova E.V. The possibilities of narrative economics in the research of the Russian innovation system. *Terra Economicus*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 36–50. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-4-36-50. (In Russ.).
20. Shiller R.J. Narrative Economics and Neuroeconomics. *Finance: Theory and Practice*, 2018, vol. 22, no. 1 (103), pp. 64–91. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-1-64-91.
21. Shiller R.J. *Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events*. Princeton, Princeton University Press, 2019. 400 p.
22. Kapelyushnikov R.I. On current state of economics: Subjective semi-sociological observations. *Voprosy Ekonomiki*, 2018, no. 5, pp. 110–128. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-5-110-128. (In Russ.).
23. Kapelyushnikov R.I. The Russian labor market: A statistical portrait on the crises background. *Voprosy Ekonomiki*, 2023, no. 8, pp. 5–37. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-8-5-37. (In Russ.).
24. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*, trans. from English by D. Litvinov, P. Mironov, S. Sanovich. Moscow, AST Publ., 2015. 692 p. (In Russ.).
25. Sugden R. Credible worlds: the status of theoretical models in economics. *Journal of Economic Methodology*, 2000, vol. 7, no. 1, pp. 1–31.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ореховский Петр Александрович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Институт экономики Российской академии наук
117218, Россия, г. Москва, Нахимовский пр., 32
E-mail: orekhovskypa@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2816-1298
SPIN-код РИНЦ: 8489-2102; AuthorID: 72288

Разумов Владимир Ильич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии, философии и культурологии
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: RazumovVI@omsu.ru
ORCID: 0000-0002-6904-9764
SPIN-код РИНЦ: 6418-9748; AuthorID: 8985

Сапунков Андрей Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: Sapunkovy@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Pyotr A. Orekhovsky – Doctor of Economics, Professor; Chief Researcher
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
32, Nakhimovskii pr., Moscow, 117218, Russia
E-mail: orekhovskypa@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2816-1298
RSCI SPIN-code: 8489-2102; AuthorID: 72288

Vladimir I. Razumov – Doctor of Philosophy, Professor; Professor, Department of Theology, Philosophy and Cultural Studies
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: RazumovVI@omsu.ru
ORCID: 0000-0002-6904-9764
RSCI SPIN-code: 6418-9748; AuthorID: 8985

Andrey A. Sapunkov – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: Sapunkovy@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9719-0899

ORCID: 0000-0001-9719-0899
SPIN-код РИНЦ: 3418-8415; AuthorID: 701672

RSCI SPIN-code: 3418-8415; AuthorID: 701672

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ореховский П.А. Понятие закона в социальных науках и конструирование реальности: философия, экономика, право / П.А. Ореховский, В.И. Разумов, А.А. Сапунков // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 15–24. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).15-24.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Orekhovsky P.A., Razumov V.I., Sapunkov A.A. The concept of law in the social sciences and the construction of reality: philosophy, economics, law. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 15–24. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).15-24. (In Russ.).